

Пока Уван не поднял её с земли за шиворот.

Какая-то грубая ткань накрыла её лицо целиком.

Движение было далеко не нежным, даже довольно грубым.

Цзян Нин чувствовала, будто её щеки мнут, как кусок теста.

Шероховатая, покрытая мозолями рука Увана прижала грубое полотенце и принялась вовсю натирать её лицо туда-сюда.

Цзян Нин попыталась вырваться, но её руки были схвачены другой рукой Увана.

Когда полотенце убрали, глаза Цзян Нин уже наполнились слезами — от боли...

Уван ополоснул полотенце и снова собрался вытереть ей лицо.

Цзян Нин торопливо отвернула голову, не давая ему добиться своего.

Не обращая внимания на её сопротивление, Уван повернул её лицо обратно, и полотенце снова опустилось на неё.

Только на этот раз движения вроде бы стали чуть мягче.

Лишь почувствовав под рукой вместо липкого жира мягкость и упругость кожи, Уван наконец отложил полотенце.

Рука, которой Цзян Нин ела мясо, тоже не избежала участи.

Её зажали в ладони и тщательно отмывали туда-сюда до тех пор, пока она не стала чистой, и только тогда отпустили.

— Измазалась так сильно, что в следующий раз я тебе ничего не куплю.

Сначала Цзян Нин ещё могла сдерживаться и не плакать, но стоило ей услышать эти укоризненные слова Увана, как слёзы градом, словно не стоили ни гроша, крупными кадрами покатались вниз.

— Я... я не специально, разве это... грязно? Глаза Цзян Нин наполнились слезами, и она молча смотрела на Увана.

В её взгляде читалось одно лишь непонимание, словно она и впрямь не знала, в чём провинилась.

За что Уван обращается с ней так сурово да ещё и грозит больше никогда не покупать ей вкусности?

Громко ревуший ребёнок далеко не всегда вызывает жалость, но... когда кто-то тихо плачет, глядя на тебя покрасневшими от слёз глазами, это способно легко и крепко задеть за живое, заставляя нечто сокровенное капля за каплей пробиваться наружу.

Уван поднял палец и стёр с её щеки висевшую там слезинку, после чего легко вздохнул.

— Ладно.

В конце концов, перед ним всего лишь малый демон, разве с неё что-то возьмёшь?

Раз уж он забрал эту демоническую сущность к себе, то сможет и дальше приглядывать за ней — в этом нет ничего невозможного.

— Переоденься, эта одежда испачкана.

С этими словами Уван взял таз с водой и вышел за дверь.

Цзян Нин коснулась щеки — казалось, там всё ещё сохранялось тепло его пальцев.

Сегодня он не только заговорил с ней, но и проявил о ней заботу.

Уголки губ Цзян Нин слегка приподнялись, и она улыбнулась — едва заметно, совсем чуть-чуть.

Это была... самая настоящая, искренняя улыбка Цзян Нин. Когда Уван вернулся, Цзян Нин уже не сидела в гостевой комнате.

Уван бросил взгляд на висевший на стене Мешок для поимки демонов.

От него исходило дыхание Цзян Нин.

Цзян Нин вернулась в мешок.

Это происходило впервые: Уван её не прогонял, а она сама забралась обратно.

Обиделась?

Уван опустил глаза.

Но не стал спрашивать ни о чём.

Вместо этого он сел на кровать и продолжил медитировать, читая сутры.

Цзян Нин полагала, что этот монах хотя бы соизволит спросить её о чём-нибудь, но нет — вернулся и молчит.

Даже словом не обмолвился.

Тут Цзян Нин рассердилась по-настоящему.

Она решила объявить монаху трёхдневную холодную войну!

Сказано — сделано!

Цзян Нин была очаровательным и капризным призраком.

Раз она пообещала три дня не обращать внимания на Увана, то действительно сидела в мешке тихо-мирно, не выходя даже тогда, когда монах сам снял печать Будды с Мешка для поимки демонов.

Она ждала. Ждала, пока монах первым позовёт её.

И испытывала его, проверяя своё место в сердце монаха.

Цзян Нин и сама не понимала, откуда у неё хватило смелости проверять монаха, который мог запросто отправить её на Жёлтые Источники, но ради задания ей необходимо было сблизиться с ним.

По крайней мере... улучшить их прежние отношения, когда они старались не мешать друг другу.

Однако Уван за всё время не сказал Цзян Нин ни единого слова.

Печать Будды он накладывать заново не стал.

Цзян Нин могла выйти в любой момент.

Но на душе у неё было тягостно.

Она сидела, обхватив колени руками и спрятав в них лицо.

Время в мешке текло незаметно, и Цзян Нин не могла понять, сколько его прошло.

По её прикидкам, минул всего день.

Но Цзян Нин уже чувствовала, что больше так не может.

Она ведь собиралась дуться на монаха, а в итоге, судя по всему, злилась и мучила только саму себя.

А этот монах вел себя как обычно: либо шёл куда-то, либо читал сутры.

Порой до неё доносились голоса прохожих, с которыми он беседовал.

Когда монах разговаривал с посторонними, в его голосе было куда больше тепла, чем когда он обращался к ней.

От этого Цзян Нин стало ещё тоскливее.

Наступил вечер.

Цзян Нин снова уловила аромат жареной курицы.

Она втянула носом воздух, и её живот неожиданно издал урчание.

Как вкусно... Но этот монах ведь не ест мяса, зачем он купил его?

Решил соблазнить её? Цзян Нин не выдержала и снова принялась, втягивая витающий в воздухе неповторимый аромат жареной курицы.

Она не удержалась и вылезла из мешка.

Она думала, что монахи останутся прежними: отложат еду специально для неё, а сами сядут куда-нибудь подальше.

Цзян Нин и Уван некоторое время молча смотрели друг на друга во все глаза.

Затем Цзян Нин с недовольным видом подошла ближе.

И села за один стол с Уваном.

Цзян Нин не умела пользоваться палочками для еды, поэтому раньше Уван покупал ей в основном паровые булочки и сладости, которые можно было запросто есть руками.

Но на этот раз никаких булочек и сладостей не было — только блюдо с жареной курицей и привычные для Увана овощные блюда.

Цзян Нин в упор уставилась на жареную курицу, беспрестанно сглатывая слюну.

Однако протянуть руку и взять кусок она не смела.

После того как в прошлый раз монах её отчитал, у неё осталась некоторая психологическая травма.

— Почему ты ничего не говоришь?

Уван заметил всё: и как Цзян Нин прикинула к столу, и как она смотрит на курицу, не смея к ней притронуться.

Спокойным голосом произнёс он.

Цзян Нин подняла на него глаза. Прежде в них сиял яркий свет, но сегодня её взгляд казался куда более тусклым.

— Хм!

Цзян Нин надула губы, недовольно фыркнула и отвернулась.

Каждая черта её лица так и кричала: Я злюсь, немедленно иди и успокой меня!

Уван видел, что Цзян Нин капризничает, но совершенно не понимал, в чём причина.

Всё, о чём она так шумно и яростно просила, он ведь купил.

Цзян Нин прождала целую вечность, но монах так и не подошёл, чтобы её успокоить.

Она украдкой бросила на него быстрый взгляд.

Заметив, что Уван по-прежнему смотрит только на неё.

Цзян Нин сама не зная почему почувствовала, как у неё горят уши.

Да с чего это она... с чего это она устраивает капризы этому тупице, который только и умеет, что соблюдать пост да читать сутры!

Мало того что она злилась понапрасну, так этот тупица ещё и понятия не имел, в чём дело!

Цзян Нин вмиг сдулась, словно проколотый мяч.

— Я не хочу с тобой разговаривать.

Забыв обо всём и не заботясь о том, что испачкает руки, она оторвала куриную ножку и, поднеся её к губам, принялась есть маленькими кусочками. Памятуя о прошлом уроке, когда он тёр ей лицо, на этот раз она ела очень изящно и старалась ни в коем случае не испачкаться.

Уван подавил бурю в душе и постарался говорить как можно более обычным тоном.

— Мм.

Но в конце концов он произнёс лишь это «мм».

Её слова, прозвучавшие словно вспышка обиды, и её отношение в последние дни...

Всё это взволновало его сердце.

По нему пошли круги.

Словно рябь на воде, они расходились всё дальше и дальше.

Вновь и вновь тревожа его душевное равновесие.

И вызывая в душе смутное беспокойство.

— Хм, плохой монах! — хотя это была полная обиды упрёка фраза, из-за мягкого голоса она звучала так, что от неё у любого защипало бы в сердце.

Цзян Нин жевала куриную ножку так, будто это Уван довёл её до белого каления, яростно работая челюстями, и её пухлые щёки ходили ходуном.

— Мм.

— Плохой монах!

Снова выругалась Цзян Нин.

— Мм, я плохой.

Совершенно спокойно, без каких-либо интонаций в голосе.

От этого уши Цзян Нин мгновенно покраснели.

Да нет же... дело вовсе не в этом монахе!

Цзян Нин долго что-то невнятно бормотала.

— Ты...

Глядя на красивое лицо Увана, Цзян Нин не могла подобрать ни единого грубого слова, чтобы выругать его.

Точнее, слова-то были, вот только произнести их она не могла.

Цзян Нин так разозлилась, что её щёки надулись, и в конце концов она снова с презренным «хм» отвернулась, перестав смотреть на Увана.

Целая жареная курица исчезла в животе Цзян Нин в полном молчании.

Она была ужасно голодна.

Уван подал воды.

На этот раз он не стал помогать ей сам.

Цзян Нин взглянула на него и только после этого подошла, чтобы вымыть руки.

Когда она взяла полотенце, оказалось, что ткань стала намного лучше прежней, грубой.

Материал был гладким, почти не впитывал влагу, но при этом насухо вытирал руки.

Уголки рта Цзян Нин снова поползли вверх, сдерживать улыбку было выше её сил.

Похоже, этот монах скрытный и сентиментальный тип.

Понимает ли он вообще, что подобной тайной заботой окончательно избалуёт её?

Вымыв руки, Цзян Нин умыла и лицо — на этот раз ткань оказалась мягкой и не царапала кожу на щеках.

Возвращаться в мешок она не стала: за последние дни это место опостылело ей до тошноты.

Уван и не думал её выгонять.

Цзян Нин просидела у окна всю ночь. Когда лунный свет упал на её тело, она впервые почувствовала себя настолько расслабленной.

Она изначально была малым демоном, обретшим человеческий облик благодаря чистой энергии неба и земли.

Вообще-то этому цветку лотоса потребовалось бы гораздо больше времени на принятие человеческого облика.

Именно появление Цзян Нин ускорило этот процесс.

Уван, как обычно, сидел, погруженный в медитацию и чтение сутр, не обращая на неё никакого внимания. На Цзян Нин была поставлена его метка. Пока метка не будет снята, стоило Цзян Нин отойти от него дальше чем на десять метров, как её сердце начинало болеть так, будто его режут ножом.

Поэтому, даже если бы Уван за ней не следил, сбежать она бы всё равно не смогла.

К тому же Цзян Нин и не думала бежать.

Цзян Нин купалась в лунном свете, но её глаза были прикованы к Увану.

Она смотрит на тебя.

Ей очень нравится смотреть на тебя.

Ты ей нравишься.

Ты ведь рад, что ты ей нравишься?

В голове Увана снова всплыл этот голос.

Раньше он всегда игнорировал его.

Что бы тот ни говорил.

Но на этот раз...

Звук чтения сутр на мгновение прервался, а затем возобновился вновь.

Ха-ха-ха-ха, твоё сердце и впрямь дрогнуло.

Это всего лишь малый демон с ничтожным уровнем культивации.

Если она тебе нравится, что плохого в том, чтобы нарушить обет?

Раз я защищаю тебя, чего тебе бояться?

Этот голос всё ещё пытался растревожить сердце Увана.

Однако Уван оставался невозмутим.

Ты сбегаешь? Не заставляй меня думать, что ты трус.

Нравится — так действуй! Зачем вообще быть этим никчёмным монахом?

Голос в сердце, словно проклятие, докучал Увану и вызывал раздражение.

Он открыл глаза, силой подавляя внезапно поднявшуюся в душе свирепость.

Когда его взгляд встретился с чистыми и ясными глазами этого малого демона...

Внутренняя суета и свирепость мгновенно утихли.

Даже этот голос внезапно оборвался.

Не смей, даже не думай навредить ему.

Не смей позволить ему пасть во тьму...

Цзян Нин не понимала, почему Уван вдруг перестал читать сутры и уставился на неё с открытыми глазами.

Цзян Нин прищурилась, разглядывая Увана, но не смогла заметить никаких признаков на его по-прежнему застывшем лице.

Лишь в его глазах проступили ещё более густые эмоции.

Цзян Нин первой отвела взгляд.

И продолжила купаться в лунном свете.

Взгляд, падавший на неё, тоже быстро исчез.

Вот только чтение сутр Увана в эту ночь больше так и не возобновилось.

Юнчэн вовсе не был таким, каким его себе представляла Цзян Нин.

Раньше, когда Цзян Нин ещё жила в пруду с лотосами, один из любителей лотосов приезжал туда как раз из Юнчэна.

В устах того человека Юнчэн был глушью, отсталым уголком, куда даже птицы не долетают справить нужду.

Но Цзян Нин забыла, что слышала это уже сто лет назад.

Нынешний Юнчэн сильно изменился. Городские ворота с выведенными на них двумя иероглифами Юнчэн достигали в высоту добрых десять метров. Наверху несли службу солдаты, и издавала ворота выглядели весьма внушительно.

У входа также дежурили стражники.

Каждому входящему в город требовалось иметь при себе специальный пропуск.

С тех пор как Цзян Нин в прошлый раз повздорила с Уваном, тот больше не заставлял её возвращаться в мешок.

Все эти дни Цзян Нин повсюду ходила пешком вместе с Уваном.

Демон, следующий по пятам за монахом — со стороны это выглядело крайне странно.

Однако монах наложил на неё Технику невидимости, и простые смертные не могли разглядеть Цзян Нин.

Пока Уван беседовал со стражниками у ворот, Цзян Нин уже успела первой ускользнуть внутрь Юнчэна.

Дорогу от самых ворот выстилал синий кирпич, уходящий вглубь улиц. По обеим сторонам тянулись ряды лавок, ломившихся от всевозможных товаров, причём ассортимент почти не повторялся.

На улицах толпилось немало народу, и Цзян Нин было любопытно абсолютно всё.

Она то заглядывала в одно место, то подбегала к другому, пока не отошла от Увана почти на десять метров. Тогда она остановилась и стала дожидаться монаха.

Уван не заставил её долго ждать.

— Уван, я хочу попробовать сладости из этой лавки.

Цзян Нин указала на кондитерскую и обратилась к приближающемуся Увану.

Уван ничего не ответил, лишь достал из рукава кошелёк с серебром. Изначально пухлый мешочек теперь стал совсем плоским.

Уван:

— Серебра больше нет.

Цзян Нин:

— ...

— Ну ладно...

Цзян Нин немного приуныла. Пирожные в той лавке были такими изящными на вид и наверняка очень вкусными.

Цзян Нин облизала губы, всё ещё испытывая легкое искушение.

— Сначала отправимся в уездный йуфу.

Уван спрятал кошелек обратно в рукав и зашагал вперед.

Цзян Нин бросила на кондитерскую последний взгляд и поспешила следом за Уваном.

— Сестрица, ты такая красивая!

Мимо проходила маленькая девочка, державшая за руку взрослого, и вдруг восторженно уставилась на Цзян Нин.

Дети не умеют скрывать свои чувства, и едва взглянув на Цзян Нин, девочка тут же выпалила искренний комплимент.

Услышав голос, Цзян Нин как раз поравнялась с девочкой. Ничего не сказав, она одарила малышку сияющей улыбкой.

— Что за глупости ты говоришь? Какая еще красивая сестрица?

Мать девочки проследила за взглядом дочери, но увидела лишь спину монаха — никаких молодых девушек там не было. Но, глядя на то, как её дочь застыла в полном изумлении, разинув рот от удивления, женщина вдруг почувствовала острый страх: не столкнулись ли они с какой-нибудь нечистью?

Она торопливо подхватила девочку на руки и быстрым шагом побежала вперед.

— Уван, ты слышал? Меня называли красивой!

Цзян Нин была вне себя от радости. Она шла рядом с Уваном плечом к плечу, и на её лице сияло ничем не скрываемое счастье.

Уван слегка повернул голову, равнодушным взглядом скользнув по ней.

— Не привлекай к себе лишнего внимания, — произвел он спокойно, с едва уловимой строгостью в голосе.

Услышав слова Увана, Цзян Нин недовольно нахмурилась и фыркнула.

Этот деревянный чурбан! Только и умеет, что портить настроение, ну до чего же противный!

Брови Увана чуть приподнялись, и от этого маленького движения его суровое лицо самую малость смягчилось.

— Она сказала правду, тут нечему радоваться.

Пробыв с Цзян Нин столько времени, неужто Уван не знал, что именно она хочет услышать?

Раз уж не удалось купить лакомство, которого ей так хотелось, он не возражал немного её утешить.

И действительно, услышав это, Цзян Нин снова засияла улыбкой.

Уж больно прямолинейный этот чурбан, но он ей нравится!

Уван прибыл в Юнчэн потому, что получил приглашение, отправленное стражниками в Храм Душуй.

А причиной тому стала странная беда, приключившаяся в Юнчэне.

Новорожденные дети в городе едва доживали до месяца, как вдруг бесследно исчезали.

Младенцев нельзя оставлять без присмотра, поэтому матери постоянно держали их перед глазами.

И тем не менее дети пропадали самым загадочным образом — прямо на глазах у матерей.

Женщина, пришедшая заявить о пропаже, утверждала, что ребенок, которого она только что держала на руках, исчез в одно мгновение.

Поначалу в столь невероятные происшествия никто не верил.

Однако по мере того, как заявлений от матерей становилось всё больше, к делу отнеслись со всей серьезностью.

Женщины, потерявшие детей, едва ли не каждый день приходили плакать к воротам уездного управления.

Стражники отправили на поиски немало людей, но ни один не смог выяснить причину исчезновения детей, не говоря уже о том, чтобы найти самих пропавших малышов.

В преступлениях, где не оставалось никаких следов, несомненно, замешана демоническая сущность.

Когда Уван вошел в уездную управу, у ворот его уже давно поджидал какой-то человек.

Этот мужчина тревожно мерил двор шагами и бросился к нему навстречу, едва заметив Увана.

— Мастер дхармы! Вы наконец-то прибыли!

Мужчина ухватил Увана за рукав и потащил за собой внутрь.

Мастер, если вы не придете, мы все здесь рухнем! Пару дней назад пропал еще один ребенок, из-за этого люди охвачены паникой, а беременные женщины теперь места себе не находят, боясь, что их дети исчезнут сразу после рождения.

Мужчина был высок и крепок сложением, на поясе у него висел меч, а на голове красовалась чиновничья шапка.

Неизвестно было, какую именно должность он занимал.

Уван позволил себя вести, но услышав его слова, тоже помрачнел.

Цзян Нин побежала следом за ними.

Мужчина привел Увана ко входу в главный зал уездной управы.

В зале стояло свыше десятка женщин, они закрывали лица руками и горько плакали, а некоторые уже выбились из сил и бессильно прислонились к тем, кто был рядом.

— Мастер дхармы пришел!

Кто-то выкрикнул эти слова, и толпа женщин мгновенно через силу выпрямилась, устремив взгляды на Увана.

— Мастер!

В этот момент они выглядели так, будто увидели самого спасителя, и бросились вперед к Увану.

Уван внезапно остановился.

— Ступай и расспроси их о происходящем, — повернувшись, бросил он Цзян Нин.

Цзян Нин не стала спрашивать почему, а лишь кивнула.

Техника невидимости спала с неё, и женщины, собиравшиеся броситься к ним, ошеломленно замерли, увидев внезапно появившуюся девушку.

Хотя эти женщины уже вышли замуж и обзавелись детьми,

некоторым из них едва исполнилось восемнадцать-девятнадцать лет, и выглядели они совсем юными.

Цзян Нин подошла к ним и заговорила: Я помощница мастера дхармы Увана, можете рассказать мне обо всём, что произошло.

Уван же остановил мужчину, пытавшегося снова потащить его за собой:

— Сначала расскажи мне всё, что тебе известно.

Голос Увана звучал уверенно и весомо, немного успокоив встревоженного собеседника.

— Мастер, я Ма Фан, главный стражник этой уездной управы, это я писал вам письмо. Помимо того, о чем я упоминал в послании...

Ма Фан выпустил руку Увана, но на его лице по-прежнему читалось непреходящее беспокойство.

Он принялся подробно рассказывать Увану обо всем случившемся.

<http://bllate.org/book/22208/2315185>